

УДК 81

Т.Б. Астен

доктор филологических наук, профессор

Южный федеральный университет,

г.Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

СТАТУС «НУЛЕВОГО» СКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

[Asten T.B. Status of “zero” declension in modern Russian language]

Non-declension of names of foreign origin is defined not by tradition or norm, but by a variety of factors - morphonological, pragmatic, semantic and syntactic. The most indisputable is the influence of morphonological bans on declension. At the same time, the influence of pragmatic differences "their" and "foreign" ("usual" and "alien"), the dependence in / non-inclusion in the paradigm of declension and category of the general and category of the private semantics of words is of no doubt. In some cases, the immutability of the characteristic can be determined by syntactic position. Case system in the Russian language, therefore, determines the system of declinations. To identify the correlative links of these concepts there is a need to trace the history of formation, the formation and stabilization of each of them, as well as the dynamics of their semantics. As it is known, to a greater extent the changes in interpretations of particular historical period and the period of the change of linguistic paradigms are associated with the term "case".

Key words: declension, case, norm, non-declension, paradigm.

Система падежей в русском языке, а следовательно, и падежная парадигма лексем, детерминирует систему склонений. Для выявления коррелятивных связей этих понятий необходимо проследить историю становления, формирования и стабилизации каждого из них, а также динамику их семантики. Как известно, в большей степени изменения трактовок в конкретный исторический период и период изменения лингвистических парадигм связаны с понятием «падеж».

В рамках греко-латинской грамматической традиции падеж рассматривался как «изменение формы падежного слова, образуемое изменением конечного слога в разных направлениях» [1]. В «александрийской» грамматике выделялось «падежей имени пять: прямой, родительный, дательный, винительный, звательный. Прямой падеж называется также имени-

тельным, родительный –притяжательным и отеческим, дательный – поручительным, звательный – обращательным». Присциан выделял именительный (или прямой) и косвенные падежи (там же, 124).

Определение падежа через форму слова не могло не сказаться на решении вопроса относительно количества падежей существительного даже в таких языках, где сильны черты аналитизма в морфологическом строе имени (как в английском). Хотя грамматисты, конечно, не могли игнорировать тот факт, что английское существительное не обладает такой парадигмой словоизменительных форм, как латинское, однако далеко не сразу они отказались от латинской системы падежей. Стремясь устранить возникшее противоречие между общим определением падежа и реально выделяемыми падежами, английские грамматисты конца XIX в. расширяют понятие падежной формы. Обращая внимание на то, что падеж представляет собой форму существительного, показывающую связь последнего с другими словами, они подчеркивают, что падеж также используется для выражения грамматических отношений существительных, даже если у них нет формы для передачи этих отношений. Для определения падежа слова предлагается изучать предложение, его структуру. Если слово занимает позицию подлежащего, то ему приписывается значение именительного падежа, а если оно используется в функции дополнения, то значит оно использовано в объектном падеже.

Синтаксический критерий определения падежей существительных сохраняется и в грамматиках XX в. В.А.Гуреев [2] пишет о четырех этапах становления понятия «падеж» в английской грамматической традиции:

1. падеж есть окончание существительного, показывающее лицо (морфологический подход, характерный в период со второй половины XVI до конца XIX вв.);
2. падеж есть окончание существительного, показывающее отношение вещей (морфолого-логический подход – конец XVII – вторая половина XVIII вв.);
3. падеж есть окончание существительного, показывающее связь последнего с другими словами в предложении (морфолого-синтаксический подход – вторая половина XVIII – конец XIX вв.);
4. падеж есть внутреннее свойство существительного, показывающее связь последнего с другими словами в предложении. Окончание существитель-

ного рассматривается как сопутствующий признак (сочетание семантических, синтаксических и морфологических признаков – конец XIX в.).

В современном языкознании различается два понимания термина «падеж», которые условно можно обозначить как семантическое и формальное. Основное расхождение между ними состоит в том, допускается ли существование двух различных падежей, различие которых не выражено внешне. С семантической точки зрения дается положительный ответ на этот вопрос, с формальной – отрицательный.

Падеж в семантическом понимании – это некоторый элемент смысла, определенное смысловое отношение. «падежи в семантическом понимании могут быть так или иначе выражены в любом языке, поэтому, если их рассматривать безотносительно к способу выражения, они выступают как элементы некоторой универсальной системы единиц языка» [4].

В языках синтетического типа предметность функционирует в падежных формах, и падеж понимается как формальное обеспечение участия имени в смысловых отношениях. Падежные различия передаются флексиями – словоизменительными аффиксами, которые отличаются от аффиксов словообразовательных многозначностью. Впрочем, А.А.Реформатский (1996 : 536) утверждал, что падежные флексии в русском языке правильнее назвать суффикс-флексиями, поскольку они и словообразовательные, и словоизменительные одновременно. В «Русской грамматике»-80 (Т.1, 783) отмечается, что система флексий, характеризующая слово в целом, может быть словообразовательным средством. С помощью падежного значения зависимого слова раскрывается отношение лексического значения стержневого слова к значению зависимого, поэтому падеж определяют как «центростремительную категорию» [7], в отличие от «центробежной категории» числа.

В рамках формального понимания падежа возможны вариации в зависимости от того, какие формальные различия считаются достаточными для признания двух падежей различными (признается или не признается порядок слов как различительное средство, какая роль приписывается предлогам и т.д.). Конкретный падеж у существительных в узкоформальном понимании может быть описан так: это некоторый набор словоформ (или то общее, что имеют все словоформы такого набора), каждая из которых способна выразить помимо своего основного предметного значения один или несколько падежей в се-

мантическом понимании. Русский творительный падеж, включающий серию словоформ типа *пером, человеком, лесом, стрелой*, способен выражать серию падежей в семантическом понимании (орудийность, субъектность, локативность, компаративность и т.д.). Таким образом, падежи в узкоформальном понимании – это одно из возможных средств (наряду с предлогами, послелогоми, порядком слов и др.) для выражения падежей в семантическом понимании.

Для признания падежей в узкоформальном смысле их в языке должно быть не менее двух. В противном случае их нет вообще. В языках, имеющих склонение, количество падежей колеблется от трех (арабский) до 15 (эстонский). Однако вряд ли на это основании можно утверждать, что эстонцы лучше всех дифференцируют соответствующие грамматические значения.

Структурно-семантическая классификация падежей и падежных значений была предложена Р.О.Якобсоном в работе «Опыт общей теории падежа» и в выступлении на 4-м Международном Конгрессе славистов в Москве. Итак, падеж имеет морфологическую, а не синтаксическую природу; каждый падеж имеет свою дефиницию или функцию, и нет необходимой связи между падежной функцией и функцией в предложении; каждый падеж характеризуется своим инвариантом значения, и морфологический инвариант легко поддается извлечению. Общая схема по трем бинарным дифференциальным семантическим признакам выглядит так:

1. объемность (Р., П.) – необъемность (И., В., Д., П.)
2. периферийность (Д., Т., П.) – центральность (И., Р., В.)
3. направленность (Д., В.) – ненаправленность (И., Р., Т., П.)

М.В.Панов пишет о том, что соблазн увидеть за пестротой падежных (и вообще – грамматических) значений их глубинное единство («инвариант») очень велик. Однако убедительных «инвариантов» в грамматической науке так и не предложено. Нужен ясный ответ на вопрос: сами говорящие ли имеют представление (интуитивное, глубинное) об этих «закулисных» значениях? И обязательно ли их иметь, чтобы правильно пользоваться языком? Если не обязательно, то есть владение языком не связано с прониканием в глубину этих значений, то, несомненно, что эти «глубинные» значения не принадлежат языку.

Если же говорящим необходимо усвоить эти глубинные значения, о которых пишут грамматисты, то какие ошибки могут возникнуть (и реально возникают при невладении этой «глубинностью»)? И поскольку на этот вопрос

нет ответа, то, по мысли М.В.Панова, нет и убедительного объяснения, чем объединяются разнородные грамматические значения, присущие одной грамматической форме. М.В.Панов предлагает применить для объяснения грамматических явлений основополагающий постулат фонологии: «Все, что позиционно чередуется, с точки зрения системности языка – единая сущность, целостная единица (фонема); напротив, непозиционно чередующиеся компоненты (звуки) не составляют функционально-целостные единицы (потому их нельзя объединить на письме одним буквенным знаком). Подобно тому, как разные звуковые единицы объединяются в целостность, потому что они чередуются позиционно, и грамматические значения объединяются в целостность только потому, что выбор их обусловлен позиционно.

Например, флексии русских существительных *-ом, -ой, -ью, -ами* выражают значение творительного падежа. Но по сути это пестрая разнородная группа значений. И она может оцениваться как некая целостность и называться «значением творительного падежа» только потому, что конкретные значения внутри нее позиционно чередуются (само единство аффикса не может иметь объединяющей функции, ибо аффикс *-ом* есть и у наречия).

М.В.Панов подробно описывает, в чем сущность позиционного чередования применительно к грамматическим формам. Например, в случаях типа «ранним утром», «этой весной» словоформа имеет временное значение, потому что это обусловлено лексическим значением имен. От основы «заражается» временным значением флексия, и вся словоформа используется как обстоятельство времени. Падежные формы в случаях «ехать по полю, лесом» имеют значение места, которое также соответствует лексическому значению основы. Наиболее характерное для творительного падежа орудийное (инструментальное) значение проявляется в том случае, если глагол и основа существительного-дополнения имеют общие семантические признаки (в ряде случаев эта общность семантических множителей выражается тем, что глагол и существительное-дополнение являются однокоренными словами: косить косой, пилить пилой, мести метлой). По сути дела, под позиционными условиями понимается очень широкий спектр явлений: фактор лексического значения, синтагматика словоформы, ее конструктивная обусловленность и даже «отвержение» (от слова «отвергнуть») данной конструкцией других значений, возможных у этой формы. И актуальная задача современной позиционной морфологии состоит в

том, чтобы построить описание грамматических значений, выражаемых той или иной формой, с учетом позиционных условий. От традиционной таксономии значений нужно перейти к выяснению правил позиционной мены грамматических значений. Падежи флективного языка обеспечивают формальную связность, «гладкость» текста на уровне «глокой куздры». Ср. ущербность «текстов» типа: *«Воскресенье. Утро. Солнце. Жара. Вся семья. Прогулка. Поездка. Парк. Атракцион. Гуляние. Дождь. Сырость. Ночь. Горло. Боль. Утро. Поликлиника. Врач. Бюллетень. Аптека»*. Значение способно вступать в ассоциацию по сходству с узуальными смыслами и «намекать» на некоторые стороны узуальных смыслов, представляющих собой элементы социального знания с закрепленными средствами языкового выражения. То есть признаком связности текста на уровне номинативно-лексических значений является содержательная непротиворечивость.

Следующий уровень связности – уровень деривационных служебно-грамматических значений и реляционных служебно-грамматических значений. Во флективных языках этот уровень связности обеспечивается формами словоизменения. «...исходной функцией падежных форм имен является прежде всего выражение вспомогательной служебной информации, позволяющей автору текста направлять языковое мышление реципиента таким образом, чтобы формирующаяся структура связности текста на актуально-предикативном уровне обеспечивала возникновение в сознании реципиента того конечного содержания, которое как можно более полно соответствовало бы замыслу автора текста» [3].

Для выполнения этой исходной функции, очевидно, необходимо максимальное различие прямого и косвенного падежей. Однако в русском языке ни одно существительное не обладает шестью различными падежными формами (по количеству падежей). В.Н.Мигирин [1953: 3] предлагает в связи с этим следующую классификацию именного словоизменения:

1. однопадежные слова: коми, радио, Баку;
2. двупадежные слова: сорок – сорока; сто – ста;
3. трехпадежные слова: Сибирь – Сибири – Сибирью; пять – пяти – пятью;
4. четырехпадежные: Россия – России – Россию – Россией; четыре – четырех – четверем – четырьмя;
5. пятипадежные: Нева – Невы – Неву – Неве – Невой; город – города – городу – городе – городом.

На возможность такой классификации указывали и раньше вместо терминов «двупадежные и трехпадежные» слова морфологи используют и термины «одноформенные». «двухформенные» и т.д. Очевидно, что признание «однопадежных» или «одноформенных» слов возможно только с учетом понятия семантического падежа. Категория «однопадежных» слов не замыкается в самом этом классе слов, а выявляется в рамках других классов слов – прилагательных, глаголов. Оппозиционное замещение морфологических категорий несклоняемых существительных происходит посредством тонкого языкового механизма. В функционирование вовлекаются собственные свойства «однопадежных» слов (имплицитные) и компоненты лексического и грамматического окружения (эксплицитные), внутренние контекстуальные факторы взаимодействуют с внешними контекстуальными факторами в определенной ситуации текстообразования.

Для постижения когнитивных процессов, лежащих в основе замещения морфологических категорий у несклоняемых слов (ибо несклоняемое «однопадежное» слово, очевидно, обладает всем комплексом именных значений – рода, числа и падежа, но не выявляет их в рамках самой лексемы), интересно учесть особенности освоения категории падежа в онтогенезе.

Данные психолингвистики позволяют утверждать, что на первоначальных этапах усвоения языка ребенком Именительный падеж заменяет все косвенные. По сути дела то, что имеет форму И.п., функционально Именительным падежом не является. Форма именительного падежа омонимична референциальной форме наименования. «За этим псевдоименительным на первых этапах развития по сути стоят значения всех падежей : *Дай косынка мама, Бери назад совочка Боря, стучу молоток, купить ружье Вова, не давать лопатка Боря, кушать без нож*». Итак, сначала возникает неоформленная система падежных значений, в которых находят свое место объектные, объектно-обстоятельственные и определительные значения, и способом передачи оказывается наименование предмета в референциальной форме. Несклоняемое слово в известной степени сходно с такими референциальными формами. Его формальное значение создается взаимодействием с остальными элементами синтагмы. Именно поэтому А.М.Пешковский назвал «бесформенные» несклоняемые слова «синтаксическими».

За несклоняемыми именами признаются «аналитические формы падежей», и на этом основании они определяются как «особый деклинальный тип». С одной стороны, в грамматической науке достаточно прочно утвердился термин «нулевое склонение» (по отношению как к русскому, так и к другим славянским языкам. А.А.Зализняк отмечает, что несклоняемые имена имеют «одну и ту же внешнюю, но различные внутренние стороны», что это «нулевой класс», то есть, с этой точки зрения, они занимают определенное место в системе именного склонения. В «Грамматике -70» нулевое склонение определяется как имеющее «систему омонимичных словоформ», то есть таким образом тоже подчеркивается системность этого явления. Ведь омонимия присуща всем типам склонения, особенно – третьему, но на этом основании никто не вычеркивает его из деклинальной системы. В еще большей степени системность нулевого склонения акцентирована в Энциклопедии «Русский язык»: «В русском языке представлены два основных вида склонения имен и местоимений: субстантивное (существительные) и адъективное (прилагательные). Внутри них выделяются как особые типы нулевые склонения, которые охватывают неизменяемые, иноязычные по своему происхождению существительные (депо, пальто, жюри, бра), прилагательные (бордо, мини, модерн, хаки) и несклоняемые аббревиатуры: парадигмы этих слов состоят из омонимичных форм».

С другой стороны, в трудах по грамматике, даже в последние десятилетия, часто подчеркивается условный характер такого «склонения». Или ср.: «Малочисленность и заимствованный характер слов «нулевого склонения» наводят на мысль, что словоформы этого типа – явление случайное, не характерное в русской грамматике» [5].

Наконец, выводы из самого существования такого явления, как «нулевое склонение», также делаются различные. В.В.Виноградов (1972), М.В.Панов (1970, 1999), авторы коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (1968), И.П.Мучник (1971), М.Я. Гловинская (1996, 1997) и мн. Др. делают вывод о мощной тенденции к аналитизму в грамматическом строе русского языка; Г.И.Тираспольский (1981), Ф.П.Филин аналитизацию морфологической системы отрицают. Так, Ф.П.Филин полагает, что явление несклоняемости остается на «лексико-грамматическом, а не собственно грамматическом уровне и не затрагивает сколько-нибудь существенно основ флективности».

Аналитизм номинации проявляется в формировании классов слов в рамках изменяемой части речи, которые выражают грамматические категории рода числа и падежа вне пределов собственной словоформы. Аналитизм номинации в высокой степени характерен для русского языка; несклоняемые имена стали неотъемлемой частью его грамматического строя как «нулевое» склонение. Однако существовавшее мнение о том, что это специфически русская черта, нуждается в уточнении, ибо несклоняемость заимствованных имен свойственна (в различной степени) и другим славянским флективным языкам.

Несклоняемость имен иноязычного происхождения задается не традицией или нормой (хотя, естественно, нормализаторская деятельность в этой сфере, как и в любой другой, оказывает определенное влияние), а комплексом факторов – морфонологических, прагматических, семантических и синтаксических. Наиболее бесспорно влияние морфонологических запретов на склоняемость. В то же время влияние прагматических различий «своего» и «чужого» («привычного» и «чуждого»), зависимость включения / невключения в парадигму склонения от общекатегориальной и частнокатегориальной семантики слова не вызывает сомнений. В отдельных случаях неизменяемость может определяться характерной синтаксической позицией.

Части речи в сфере несклоняемых имен образуют «нежесткую» систему нечетко очерченных классов. Для несклоняемых имен свойственна категориальная полифункциональность, которую логичнее рассматривать как проявление грамматической полисемии. Именно грамматическая многозначность на уровне частеречной принадлежности определяет возможность контекстов с «амальгамированными», синкретичными значениями неизменяемых лексем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные теории языка и стиля. М.-Л., 1936.
2. Гуреев В.А. Падежи имени существительного а английской грамматической традиции // Филологические науки. 2009. № 3.
3. Дремов А.Ф. Роль падежей в русском языке в обеспечении связности и компрессии текста. Дис. ...канд.филол.наук. М., 1984.
4. Зализняк А.А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях// Проблемы грамматического моделирования. М.:Наука, 1973.

5. *Лупанов Г.И.* Типология словоформ // Филологические науки. 2008. №2.
6. *Мигирин В.Н.* К вопросу об определении категории падежа // Русский язык в школе. 2003. №5.
7. *Чесноков П.В.* Грамматические (морфологические) категории в русском языке с точки зрения семантических форм мышления// Языковые единицы в семантическом аспекте. Таганрог, 1990.

REFERENCES

1. Ancient theory of language and style. Moscow-Leningrad: 1936.
2. *Gureev V.A.* Case of a noun and an English grammar tradition // Philology, 2009. № 3.
3. *Dremov A.F.* The role of the cases in the Russian language in providing connectivity and the compression of the text. Dis. ... Kand.filol.nauk. M., 1984.
4. *Zaliznyak A.A.* On the understanding of the term "case" in the linguistic description // Pro-grammatical problems of modeling. Moscow: Nauka, 1973.
5. *Lupanov G.I.* Typology of word forms // Philology. 2008. № 2.
6. *Migirin V.N.* On the definition of the category of case // Russian language in school, 2003. № 5.
7. *Chesnokov P.V.* Grammar (morphological) category in the Russian language from the point of view-semantic forms of thinking // Language units in the semantic aspect. Taganrog, 1990.

25 сентября 2014 г.
